

ГРАММАТИКА: СИНТАКСИС ПРЕДЛОЖЕНИЯ

УДК 811.111+82-36

ПРИРОДА ЭМОТИВНОГО СИНТАКСИСА И ЕГО КАТЕГОРИЙ

О.А. Турбина

Исследование, материалы которого представлены в данной статье, выполнено в рамках традиционной грамматики, но с использованием разработок в области психосистематики, нейролингвистики и психофизиологии сознания, позволивших автору раскрыть принципы организации различных структур эмотивного синтаксиса и природу его категорий. Автор обращает внимание на то, что языковая эмотивность – это опирающаяся на образное мышление сфера языкового сознания, а эмотивный синтаксис – это система синтаксических структур, заключающих потенцию эмоциональности, которая реализуется в силу интеграции – фундаментального принципа эмотивного представления и основы формирования грамматических категорий эмотивного синтаксиса. Вторжение эмоциональности в коммуникативно-когнитивные процессы вызывает изменение характера обычных мыслительных операций, сопровождающих развертывание речевой единицы: эмоциональное осмысление денотативной ситуации влечет переоценку пропозиции, что ведет к нарушению порядка механизмов актуализации и, следовательно, к изменению грамматической (синтаксической) структуры высказывания.

Ключевые слова: эмотивность, эмотивный синтаксис, категория эмотивного синтаксиса, синтаксическая структура предложения/ высказывания.

Эмотивный синтаксис противопоставляется логическому (термин «логический» синтаксис употреблен здесь условно и вмещает понятия «нормативный», «эмотивно-нейтральный», «грамматизованный», «регулярный» и т. п.) как синтаксис выразительности синтаксису выражения.

Задачей эмотивного синтаксиса является активизация прежде всего образного мышления, воображения, в то время как логический синтаксис строится на рассудочном мышлении – на рассуждении. Функциональное назначение эмотивного синтаксиса сводится, в целом, к вовлечению чувственной сферы психики в когнитивно-коммуникативные процессы. Они заключаются в эмоциональной переоценке денотата, вследствие которой происходит переосмысление логических категорий, влекущее искажение привычного порядка их языкового представления, что находит отражение в структуре предложения, грамматические признаки которого существенно деформируются: экспрессивное движение устраняет из выражения то, что, по словам Г. Гийома, «могло бы его утяжелить» [8, с. 88].

Конструкции эмотивного синтаксиса рождаются в процессе речевого акта импровизационными средствами и, следовательно, по преимуществу имеют окказиональный (индивидуальный или субъективный) характер. Тем не менее, в каждом языке развиваются специальные средства оформления структур эмотивного синтаксиса. Эти средства образуются в процессе речевой деятельности вследствие и на основе переосмысления нейтральных, уже закрепившихся в языке, средств выраже-

ния. Таким образом, в языке формируются особые структурные типы эмотивных предложений, составляющие корпус структур эмотивного синтаксиса, получивших более или менее регулярное употребление и не утративших при этом своей выразительности. Эти структуры очерчивают системный аспект эмотивного синтаксиса: «У пределов грамматики, – отмечает Ш. Балли, – раскинулась обширная и еще мало изученная территория, которая включает в себя всю совокупность грамматических категорий, способных выразить чувство» [3, с. 299]. Эмотивность, как категория, представляет собой результат интеллектуальной интерпретации, или – оценки эмоциональности; как понятие, она характеризуется большей степенью отвлеченности.

Итак, эмотивность развивается на основе эмоционального аспекта когнитивно-коммуникативной деятельности, имеющего, по сравнению с рационально-логическим аспектом, принципиально иную природу, объяснение которой непосредственно связано с анализом онтологического статуса эмоциональности.

Эмоциональность формируют в своей совокупности эмоции, представляющие собой «переживание субъектом своего отношения к внешнему миру и самому себе» [12, с. 10] в форме довольства, удовлетворенности или, напротив, недовольства, неудовлетворенности. Слова «довольство» или «недовольство» (и т. п.) здесь именуют чувства, на которых основываются эмоции; сами же чувства складываются из совокупности впечатлений от

сенсорных сигналов, фиксируемых органами чувств [4, с. 24]. Следовательно, в самом общем смысле эмоция – это психологическая реакция на чувственное восприятие организма.

Хотя природа эмоций (биологическая, психическая) изучена пока недостаточно, экспериментально уже «доказано существование такой эмоциональной „первооценки“, или „первовидения“, которая предшествует более развернутой, логической, осознанной оценке» [20, с. 6]. В целом же сегодня считается решенным вопрос о том, что эмоции являются более древней формой отражения.

Если интеллект, оперирующий отвлеченными категориями, утрачивает непосредственную связь с чувственно-материальной действительностью, тем самым как бы отрываясь, абстрагируясь от нее, то эмоциональность, эмоция, формируется на основе целостных чувственных образов, опирается на сенсорные сигналы (или представления о них), получаемые органами чувств из внешней среды, ибо, во-первых, даже самый отвлеченный образ складывается в сознании из совокупности конкретных признаков, соответствующих определенным реалиям внешнего мира, и в силу этого (во-вторых) даже самый отвлеченный образ, возникший в сознании, способен не только вызвать эмоцию, но и спровоцировать реакцию со стороны органов чувств.

Следовательно, образное мышление, антипод логического, может рассматриваться как высшая, наиболее отвлеченная форма эмоциональности; иными словами, оно всегда в той или иной степени эмотивно, т. е. обращено к эмоции. Сама **эмотивность** – это не что иное, как **эмоциональность в потенции**. По сути, обращаясь к проблемам эмотивности, мы выходим на проблемы дихотомии сознания, которая определяется единством и противоположностью, взаимодействием двух основных форм восприятия – **чувственно-конкретной** и **абстрактно-логической**, на основе которых формируются два типа мышления – образное и аналитическое.

Языковая эмотивность – это опирающаяся на образное мышление сфера языкового сознания, а **эмотивный синтаксис** – это **система синтаксических структур, заключающих в себе потенцию эмоциональности**, которая может реализоваться в момент актуализации в силу условий антропологического характера, играющих в данном случае решающую роль: никакая, даже ярко выраженная эмотивная фраза не вызовет эмоцию, оставаясь всего лишь цепочкой знаков, если участник речевой ситуации по каким-либо причинам не способен на эмоциональную реакцию либо противится ей.

Все типы эмоционального поведения, в том числе и эмотивная речь, связаны с правополушарной доминантой в момент ее развертывания, что означает преобладание образного мышления, основной функцией которого является концептуализация пространства, осуществляемая методом целостного восприятия (обработка поступающей

информации методом синтеза) с последующей его партикуляризацией (вычленением частного) [19, с. 86]. При этом левополушарные операции (анализ, универсализация), механизм которых направлен на аналитическую обработку информации, восприятие (понимание) времени, и, следовательно, формирование финитного глагола, характеризуются той или иной степенью ущербности. Это выражается в деформации категориального аппарата суждения, лежащего в основе актуализирующейся речевой единицы: происходит полная или частичная **интеграция** категорий логического суждения (субъекта, объекта и предиката), составляющего глубинный смысл эмотивной конструкции, которая оформляется преимущественно по оси пространства [8, с. 55–56]. При этом финитный глагол, отвечающий за структурное развертывание предложения, устраняется. Результатом актуализаций такого типа становятся, как правило, высказывания без финитного глагола, выраженные именами или именными конструкциями, включая именные формы глагола.

Интеграция составляет фундаментальный принцип эмотивного представления и является основой грамматических категорий эмотивного синтаксиса. Сами эти категории – суть не что иное, как **варианты языковой интерпретации интегративной репрезентации суждения**.

Термин *категория* в контексте эмоциональности/эмотивности имеет в определенной степени условный характер, ибо, говоря о категориях эмотивного синтаксиса, следует всегда учитывать их принципиальное отличие от категорий логической сферы (таких, как, например, субъект, объект и предикат). Оно заключается в том, что образное представление, составляющее основу эмоциональности и эмотивности, хотя и способно к обобщению, в общем и целом **некатегориально**, в чем и состоит его главное отличие от рассудочного (аналитического) мышления. Иными словами, необходимо принимать во внимание то, что термин *категория эмотивного синтаксиса* условен. Это единица метаязыка, обозначающая определенный принцип в типологии эмотивного языкового представления. Само же образное мышление, повторяем, по своей природе некатегориально. В этой связи и термин *суждение* в контексте эмотивного синтаксиса должен пониматься с определенными поправками, ибо суждение, являясь атрибутом и основной единицей рассудочного мышления, может составить основу эмотивной конструкции только в деформированном виде.

Таким образом, формирование категорий эмотивного синтаксиса связано с вторжением эмоциональности в коммуникативно-когнитивные процессы, вызывающим изменение характера обычных мыслительных операций, сопровождающих развертывание речевой единицы. Принцип этих изменений заключается в эмоциональном осмыслении денотативной ситуации, влекущем пере-

Грамматика: синтаксис предложения

оценку пропозиции, что ведет к нарушению порядка механизмов актуализации и, следовательно, – к изменению грамматической (синтаксической) структуры высказывания. Наиболее типичными формами изменения лексического и грамматического означаемого предложения (его понятийной субстанции и грамматической формы), связанными с эмотивностью, являются:

– **обособление** – изменение (искажение) логико-семантических отношений между членами предложения;

– **транспозиция** – морфосинтаксическое переосмысление функциональной значимости элементов предложения;

– **парцелляция** – разрушение (расчленение) структуры предложения [18, 191-сл.].

Они и представляют основные грамматические категории эмотивного синтаксиса. Все три данные категории, которые иногда именуют приемами, в большинстве случаев в эмотивных предложениях проявляются в единстве, дополняя и эксплицируя друг друга. Это является, на наш взгляд, несомненным свидетельством их категориального статуса, наряду с тем, что они, каждая, преследуя общую цель, как бы обращены к разным уровням, выявляя преимущественно логико-семантический (обособление), морфосинтаксический (транспозиция) и структурный (парцелляция) аспекты эмотивного (эмоционального) высказывания. Так, обособление одного или нескольких членов предложения подразумевает его парцелляцию, сопровождающуюся транспозицией.

Для выражения этих категорий в эмотивном синтаксисе развиваются специфические грамматические средства, оформляющие эмотивные предложения. К ним относятся, прежде всего, способы изменения порядка слов и реорганизация синтаксических структур, основанная на операциях развертывания и свертывания:

1) **дислокация** – перемещение какого-либо члена предложения (чаще второстепенного) в необычную для него структурную позицию: *Мы нашли твой баширек за сараем в куче мусора.* → (Да) *За сараем мы нашли твой баширек, в куче мусора!*;

2) **инверсия**: изменение обычного порядка в предикативном ядре на противоположный: *Они дали мне поспать.* → *Дали они мне поспать (как же!)*;

3) **интеркаляция** – помещение какого-либо элемента предложения (кроме приглагольных местоимений) между членами предикативного ядра: *Вы ошиблись.* → *Вы, видит бог, (опять) ошиблись!*; *Подруги спешили рассказать свою историю, перебивая друг друга.* → *Подруги, перебивая друг друга, спешили рассказать свою историю.* Инверсия и интеркаляция представляют собой частные случаи дислокаций;

4) **реприза** – представление одного и того же члена предложения двумя (или более) формами, при этом данные формы повторяют, но не эксплицируют друг друга: *Деньги не приносят счастья*

→ *Деньги, они не приносят счастья! Где найти любовь?* → *Где (же) ее найти, любовь!*;

5) **редукция** – усечение предложения за счет эллипсиса грамматических членов предложения, в основном – предикативного ядра: *Началась гроза.* → *Гроза! Я послал его к черту.* → *К черту его!* Часто в подобных высказываниях восстанавливается предикативное ядро затруднительно: *Где уж нам!*;

6) **компрессия** – сжатие, или свертывание полного грамматического предложения (предикативного ядра) до слова или словосочетания, например, в неличную форму глагола: *Девушка улыбнулась и скрылась за дверью.* → *Улыбнувшись, девушка скрылась за дверью.* *Девушка, улыгнувшись, скрылась за дверью; Хотя солдат был ранен, он спас ребенка.* → *Солдат, раненый, спас ребенка;*

7) **реконструкция** – восстановление грамматической формы предложения от слова или словосочетания при введении грамматического предикативного ядра (презентатива). Подобные конструкции свойственны главным образом языкам с твердым порядком слов, поскольку возможности изменить структуру предложения, которая достигла высокой степени грамматизации, в таких языках существенно ограничены. К примеру, во французском языке презентатив *c'est (это / оно / есть)* формирует выделительные обороты *c'est ... que, c'est ... qui*, с помощью которых может быть обособлен любой член предложения: *Elle chante.* → *C'est elle qui chante.* (*Она поет.* → *Это она поет.*); *Il m'aime* → *C'est moi, qu'il aime!* (*Он меня любит.* → *Это меня он любит!*). Здесь важно отметить тот факт, что презентатив, будучи формальным предикативным ядром, эксплицитно актуализирует предикативность, которую обретает элемент предложения при обособлении. В языках со свободным порядком слов выделение возможно без презентатива (в русском – *это*) с помощью дислокаций и интонации.

Перечисленные способы могут сочетаться и дополнять друг друга.

Следует назвать также: а) акустические средства оформления эмотивного предложения – интонацию и просодию, являющиеся обязательными, а в устной речи часто – единственными средствами выражения эмотивности; б) стилистические способы художественного оформления предложения (стилистические приемы).

Итак, фундаментальный принцип эмотивного языкового представления состоит в интегративной репрезентации суждения, варианты которой выражены основными категориями эмотивного синтаксиса – обособлением, парцелляцией и транспозицией.

Обособлением обычно называют смысловое и просодическое (ритмико-интонационное) выделение какого-либо элемента в предложении в целях сообщения ему самостоятельной эмотивно-коммуникативной значимости [7, с. 175; 262; 9, с. 288].

Обособление связано: 1) с выделением присущих определенным лицам явлениям, предметам признаков особой значимости; 2) с пояснением, уточнением, конкретизацией, раскрытием смысла того или иного члена предложения; 3) с усилением смыслового или эмоционального содержания члена предложения посредством противопоставления, сравнения. В основе обособления как синтаксического приема лежит установление особых семантико-синтаксических отношений обособленного элемента с остальным предложением или его частями.

Главная функциональная особенность обособления состоит в том, что оно является средством внесения во фразу дополнительной предикации.

Предикативный характер обособления был давно замечен учеными. Его отмечают В.Г. Гак, Л.И. Илия, Е.А. Реферовская и А.К. Васильева, А. Доза, Ж. Дамурет и Э. Пишон, М. Глатиньи и др. А.М. Пешковский показал синтаксическую синонимичность обособлений придаточным предложениям [13, 375-сл.].

Спор о генезисе обособления продолжается на протяжении более чем полутора столетий. Одни ученые (Н.И. Греч, А.Х. Востоков, Ф.И. Буслев, И.И. Давыдов) полагали, что обособления – это сокращенные придаточные предложения, другие (А.А. Потебня, А.Г. Руднев) оспаривали такую точку зрения. А.А. Потебня, соглашаясь с тем, что обособления «стоят в ближайшей связи с придаточными предложениями», считал однако, что в русском языке обособленные обороты не могли развиваться из придаточных предложений, а скорее наоборот, некоторые обособления (например, приложения) могут разворачиваться в придаточные предложения [14 т. III, 248-сл.]. А.Г. Руднев вообще отрицал синонимичность обособлений придаточным предложениям, на основании чего подвергал резкой критике противоположную концепцию А.М. Пешковского [16, с. 134–137].

В действительности, для того, чтобы дать объективную оценку генетических (или прочих) отношений обособлений с придаточными предложениями, необходимо изучить и те, и другие явления в диахронии, причем на достаточно протяженном отрезке времени – т. е. углубиться в историю языка, на материале которого проводятся наблюдения. Что касается нашего мнения, то оно определяется результатами анализа собранного материала из истории французского языка. А именно: история развития обособлений на протяжении XIV–XVIII вв. доказывает, что во французском языке обособленные структуры являются свернутыми придаточными предложениями [18]. Тем не менее, у нас нет достаточных оснований утверждать, что этот вывод может распространяться на все языки.

Однако в числе современных концепций относительно природы обособления встречаются и такие, которые отрицают его грамматический статус как синтаксической категории, характеризуют его лишь как «элемент интонационно-смысловой

организации фразы» [5, с. 101–102] и утверждая на основе этого, что «обособление, за исключением случаев изменения порядка слов, связанных с действием предшествующего обособлению ударения, не влияет на грамматическую организацию предложения» [5, с. 102]. Ошибочность такой гипотезы выявляется с очевидностью при ее проверке посредством выведенной Г. Гийомом универсальной для языкового семиозиса «формулы целого» ($A+B=1$), выражающей единство субстанции и формы означаемого, согласно которой изменение одного из ее составляющих (субстанции или формы) влечет изменение означаемого в целом. Большинство современных исследователей обращают внимание на тот факт, что изменения в предложении, пусть даже на одном из его уровней затрагивающие какую-либо его часть, преобразуют все предложение, ибо оно «не есть простая сумма грамматических форм» [6, с. 28–29].

Обособление обычно сопровождается полной или частичной **парцелляцией**. Полной парцелляцией является вычленение обособления в отдельное высказывание. Частичной парцелляцией характеризуется любое сегментированное предложение, где каждый обособленный сегмент (парцеллят) получает определенную степень синтаксической самостоятельности по отношению к остальной части высказывания.

Ю.В. Ванников, руководствуясь главным образом формальными – интонационными (пунктуационными) – критериями выделения парцелляции, считает последнюю разновидностью обособления, его предельным случаем [5, с. 102]. В соответствии с этим, автор рассматривает на примере русского языка лишь случаи полной парцелляции; частичная парцелляция, по логике автора, – это и есть обособление.

По нашему мнению, которое выше уже было высказано, различие между обособлением и парцелляцией состоит в том, что если обособление, как категория эмотивного синтаксиса, связано в большей степени с логико-семантическим (понятийно-смысловым) аспектом, то парцелляция является категорией по преимуществу структурного плана, хотя области соприкосновения этих двух категорий, безусловно, имеются. Так, обособление превращает член предложения в предложение с одним артикулированным членом – монорему [2, с. 62], а парцелляция, расчлняя слитное предложение, оформляет данную единицу в автономную структуру. «Монорема, – указывает Ш. Балли, – служит как бы прожектором, с помощью которого можно осветить любую часть логического высказывания» [2, с. 63]. Данное определение моноремы характеризует ее как обособление. Структурная же маргинальность моноремы, является ли она абсолютно автономной, или представляет собой сегмент (парцеллят) сложного предложения, определяет ее как парцелляцию.

Сегментация (парцелляция) предложения, как совершенно справедливо настаивал Ш. Балли, все-

гда связана с темарематическим членением, ибо она «позволяет превратить любую часть обыкновенного предложения в тему, а другую – в собственно высказывание, в повод» [2, с. 71], причем парцеллят характеризуется в данном случае тем, что он всегда эквивалентен придаточному предложению. Тем не менее, сегментация имеет явные аналоги с сочинением, ибо сегменты могут иметь форму независимых предложений: *Set enfant, je l'aime bien* [2, с. 75]. Во французском языке сегментация имеет особую значимость, так как она «возмещает гибкость оборотов, которой мог бы лишиться его твердый порядок слов» [2, с. 81].

Кроме интонационного контура, парцелляция может осуществляться всеми возможными грамматическими средствами эмотивного синтаксиса того или иного языка, включая все разновидности порядка слов (дислокации, инверсии, интеркаляции), структурирования фразы (репризы, редукции, компрессии и пр.). К примеру, явление сегментации (парцелляции) в современном французском языке Е.А. Реферовская объединяет под одним понятием коммуникативной (актуализирующей) предикации, относя сюда все типы дислокаций: простые дислокации обособленных элементов предложения, а также дислокации, сопровождающиеся репризами и осуществляющиеся посредством выделительных оборотов [15, 77-сл]. Этим автор подмечает принципиально важную общую особенность всех типов парцелляций – единство их природы. Дело в том, что, углубляясь в анализ парцелляций с выделительными оборотами и отмечая их употребление в сочетании с прочими средствами выделения, исследователи приходят иногда к противопоставлению логического и эмфатического выделения [11, с. 15], отрицая присутствие последнего в парцелляциях, оформленных выделительными оборотами. Мы не оспариваем того, что на современном этапе развития языка и мысли логическое и эмотивное выделение различаются, но настаиваем на признании их онтологического родства, ибо логическое выделение тем не менее происходит от эмотивного выделения, представляя собой нечто вроде его абстрактной, отвлеченной, «обработанной» мыслью форме. Эту особенность указанных конструкций заметила и Н.Д. Арутюнова, назвав их «эмфазой актуализации» [1, с. 190].

Иногда парцелляцию противопоставляют интеграции как «разделение» «соединению» [5, с. 267]. По нашему мнению, в подобных случаях имеет место некорректное употребление, прежде всего, термина «интеграция», обозначающего не простую сумму единиц внутри целого, а качественное взаимно- или со- превращение целого и частей. В этой связи следует отметить, что интеграция имеет место как при парцелляции, так и при «связывании» («связанное предложение» – термин Ш. Балли), причем в первом случае – в большей степени, чем во втором. Поясним.

При парцелляции парцеллят, являясь не просто членом предложения, а автономной предика-

тивной единицей (моноремой, или – предложением), имеет полную концептуальную субъектно-предикатную структуру. В силу этого парцеллят может рассматриваться как результат интеграции семантических и грамматических смыслов полного предложения в одном слове или словосочетании, а парцелляция – как интеграция высказывания, имеющего форму редукции или компрессии. При этом все парцеллированное предложение будет представлять собой результат интеграции сложного предложения или даже более крупного синтаксического целого. В случае же со связанным предложением в синтаксическом аспекте мы имеем дело не столько с интеграцией, сколько со связыванием, с сочленением смыслов, когда каждое отдельное слово становится частью смысла всего предложения.

Принцип интеграции непосредственно выявляется и в третьей, состоящей в неразрывной связи с обособлением и парцелляцией, категории эмотивного синтаксиса – в **транспозиции**.

Использование слова в функции предложения, имеющее место при обособлении и парцелляции, представляет собой транспозицию, где в качестве транспоненда (исходная форма) выступает полное предложение, в качестве транспозита (конечная форма) – парцеллят-монорема, а в качестве транспозитора (средства транспозиции) – перечисленные выше грамматические средства, сопровождающие, к примеру, компрессию придаточного предложения в именную форму глагола.

Л. Теньер, относя транспозицию (в его терминологии – трансляцию) к явлениям синтаксическим, указывает, что ее сущность состоит в использовании категориального аппарата транспозита для выражения (трансляции) объема понятия транспоненда [17, с. 378].

Следует различать формальный (морфологический) и функциональный (синтаксический) аспекты транспозиции. Так, например, согласно Л. Теньеру, в высказываниях типа *Silence!* имеет место с точки зрения функции глагольная транспозиция, ибо существительное здесь выполняет синтаксическую функцию глагола – функцию сказуемого [17, с. 486]. Формально же, это именная транспозиция, где высказывание транспонируется (транслируется) в имя существительное. Такие случаи Л. Теньер называет «сменой синтаксического этажа», относя их к трансляциям второй ступени, когда транслируемый элемент представляет собой глагольный узел [17, с. 400].

Итак, природа эмотивного синтаксиса восходит к чувственно-образному восприятию и эмоциональному «осмыслению» (обработке) поступающей информации, для которого свойственно целостное, нерасчлененное на отдельные смыслы интегративное ее представление. Это находит отражение в категориях эмотивного синтаксиса, природа которых определяется вторжением эмоциональности в коммуникативно-когнитивные

процессы, влекущее искажение механизмов актуализации и, как следствие, – деформацию структуры высказывания.

Литература

1. Арутюнова, Е.Д. О семантических типах художественной прозы / Е.Д. Арутюнова // *Общее и романское языкознание*. – М., 1972. – С. 189–199.
2. Балли, Ш. *Общая лингвистика и вопросы французского языка* / Ш. Балли. – М., 1955.
3. Балли, Ш. *Французская стилистика* / Ш. Балли. – М., 1961.
4. Бехтерев, В.М. *Объективная психология* / В.М. Бехтерев. – М., 1991.
5. Ванников, Ю.В. *Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи* / Ю.В. Ванников. – М., 1979.
6. Васильева, Н.М. *Структура сложного предложения (на материале французского языка раннего периода)* / Ю.В. Ванников. – М., 1967.
7. Гак, В.Г. *Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис* / В.Г. Гак. – М., 1986.
8. Гийом, Г. *Принципы теоретической лингвистики* / Г. Гийом. – М., 1992.
9. Иванова, И.П. *Теоретическая грамматика современного английского языка* / И.П. Иванова, В.В. Буракова, Г.Г. Почепцов. – М., 1981.
10. Илья, Л.И. *Синтаксис современного французского языка* / Л.И. Илья. – М., 1962.
11. Кулакова, Е.А. *Сегментированные предложения с выделительными оборотами (на материале французских текстов XVII–XVIII вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук* / Е.А. Кулакова. – СПб., 1993.
12. Панов, В.Г. *Эмоции. Мифы. Разум* / В.Г. Панов. – М., 1992.
13. Пешковский, М.А. *Русский синтаксис в научном освещении* / М.А. Пешковский. – М., 1938.
14. Потемня, А.А. *Из записок по русской грамматике* / А.А. Потемня. – М., 1968. – Т. I–III.
15. Реферовская, Е.А. *Теоретическая грамматика современного французского языка. Ч. 2: Синтаксис простого и сложного предложений* / Е.А. Реферовская, А.К. Васильева. – М., 1983.
16. Руднев, А.Г. *Синтаксис современного русского языка* / А.Г. Руднев. – М., 1963.
17. Теньер, Л. *Основы структурного синтаксиса* / Л. Теньер. – М., 1988.
18. Турбина, О.А. *Формирование французского классического предложения: системный и структурный аспекты* / О.А. Турбина. – Челябинск, 1994.
19. Турбина, О.А. *Психосистематика языка и речевой деятельности* / О.А. Турбина. – Челябинск, 2007.
20. Хомская, Е.Д. *Мозг и эмоции. Нейропсихологическое исследование* / Е.Д. Хомская, Н.Я. Батова. – М., 1992.

Турбина Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общей лингвистики, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). E-mail: toa@susu.ac.ru

Bulletin of the South Ural State University
Series "Linguistics"
2013, vol. 10, no. 2, pp. 4–9

NATURE OF EMOTIVE SYNTAX AND ITS CATEGORIES

O.A. Turbina, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, toa@susu.ac.ru

The article presents the results of the research performed on the basis of traditional grammar, psychomechanics of the language, neurolinguistics and psychophysiology of consciousness. This fusion of the linguistic approaches allows the author to reveal principles of organizing various structures of emotive syntax and nature of its categories. The author argues that language emotiveness is a sphere of language consciousness based on figurative thinking, and states that emotive syntax is a system of syntactic structures involving potential emotionality realized due to integration of the fundamental principle of emotive representation and the basis of forming grammatical categories of emotive syntax. When emotionality is included in communicative and cognitive processes, it influences and changes ordinary cogitative operations which accompany a speech unit expansion: emotional perception of a denotative situation leads to reevaluation of proposition that in its turn causes a change in the order of actualization mechanisms, and hence – a change of the grammatical (syntactic) structure of the utterance.

Keywords: emotiveness, emotive syntax, category of emotive syntax, syntactic structure of the sentence / utterance.

Поступила в редакцию 27 мая 2013 г.